

Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной¹⁾.

Въ теченіе прошлаго года читатели „Русской Старины“ были ознакомлены съ интереснымъ трудомъ Великаго Князя Николая Михайловича: Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. Нынѣ Великій Князь Николай Михайловичъ издалъ другой высокоцѣнный историческій трудъ: Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Надлежащія извлеченія изъ этой книги, измѣняющей сложившійся взглядъ на характеръ Императора Александра I будутъ помѣщены въ нашемъ журналѣ.

По этому поводу Великій Князь Николай Михайловичъ пишетъ слѣдующее про Императора Александра I: „Въ издаваемой нынѣ перепискѣ его съ сестрой замѣтны проявленія его сложнаго нрава въ откровенной бесѣдѣ съ близкимъ лицомъ, съ которымъ можно было не стѣсняться въ откровеніяхъ и не творить, какъ со многими другими, той двойной игры, которая была обычнымъ явленіемъ въ сношеніяхъ Александра съ людьми вообще. Въ печатаемыхъ письмахъ передъ нами предстаетъ какъ бы настоящій Александръ Павловичъ, а тотъ, который оставался загадкой для толпы, временно исчезаетъ, и что та доля откровенности и драгоцѣнна для насъ“.

Ред.

Въ высокой степени цѣнная для исторіи переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной считалась до послѣдняго времени утраченной, истребленной огнемъ во время пожара Мраморнаго дворца въ 1849 г.; къ счастью значительная часть писемъ, которыми обмѣнивался Императоръ Александръ I со своей любимой сестрой, при томъ за наиболѣе интересный періодъ

¹⁾ Великій Князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. съ 8 рис. и 2 факсимиле рукописей. Спб. 1910. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. XXX 317 стр.

1807—1815 г.г., найдена Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ поисковъ, частью въ Государственномъ архивѣ, частью въ Собственной Его Величества библиотекѣ, гдѣ эти письма пролежали до послѣдняго времени въ запечатанныхъ печатью Императора Николая I пакетахъ и никакъ не были вскрыты.

Переписка эта чрезвычайно интересна не только потому, что она относится къ столь знаменательной эпохѣ нашей исторіи, какова отечественная война, но въ особенности потому, что она проливаетъ новый свѣтъ на личность Александра I и на многіе факты, которые были загадкой для современниковъ и для историковъ и объяснялись нерѣшительностью и неустойчивостью характера Императора Александра.

Въ письмахъ къ любимой сестрѣ Императоръ высказывается вполне откровенно, излагаетъ ей съ полнымъ довѣріемъ свои планы и намѣренія, повѣряетъ свои надежды и опасенія, открываетъ тайники своей души. При чтеніи этихъ писемъ выясняется, что его взгляды, вопреки сложившемуся мнѣнію, были „вполнѣ ясны и тверды, говорили о пріобрѣтенномъ имъ житейскомъ опытѣ, о математически обдуманномъ, совершенно опредѣленномъ образѣ дѣйствій“, о полной вѣрѣ въ себя, а его краткія, но мѣткія сужденія о многихъ личностяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ хорошо зналъ людей и умѣлъ ихъ оцѣнивать. Все это до того противорѣчитъ установившемуся взгляду на характеръ Александра Павловича, что по этому одному можно судить, какъ велико значеніе изданной нынѣ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ и имъ розысканной переписки. Ея цѣнность увеличивается тѣмъ, что найдены не копіи, а подлинники писемъ полностью за 1807, 1811, 1812, 1813, 1814 и 1815 года и часть позднѣйшей переписки до кончины великой княгини Екатерины Павловны въ декабрѣ 1818 года, а также много собственныхъ записочекъ карандашемъ Императора Александра къ сестрѣ за періодъ отъ 1805 по 1812 годъ.

Изъ числа 118 писемъ, помѣщенныхъ въ новомъ изданіи великаго князя, особенно выдающійся интересъ представляетъ помѣщаемое ниже письмо Императора Александра отъ 18 сентября 1812 г., написанное имъ вскорѣ послѣ Бородинскаго сраженія, въ отвѣтъ на нѣсколько писемъ Екатерины Павловны, адресованныхъ въ Вильно, въ которыхъ она указывала Государю откровенно на сдѣланныя имъ, по ея мнѣнію, ошибки, просила его поспѣшить назначеніемъ главнокомандующаго, убѣждала не брать этой обязан-

ности на себя и изображала тѣ нежелательныя послѣдствія, какія могли отъ этого произойти.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ великая княгиня пишетъ: „Все это я имѣла въ виду, желая, какъ вы выражаетесь, прогнать васъ изъ арміи. Я считаю васъ не менѣе способнымъ, чѣмъ наши генералы, но вѣдь вамъ нужно быть не только полководцемъ, но и правителемъ. Если кто-либо изъ генераловъ сдѣлаетъ ошибку, то онъ понесетъ за это наказаніе и осужденіе общества; если же ошибка будетъ сдѣлана вами, васъ обвинятъ во всемъ, и общество перестанетъ довѣрять тому, отъ кого все зависитъ и кто, будучи единственнымъ вершителемъ судебъ Россіи, долженъ быть для всѣхъ поддержкою, передъ кѣмъ всѣ должны преклоняться. По своему характеру, вы будете страдать изъ-за сдѣланныхъ вами ошибокъ болѣе, чѣмъ тысяча другихъ людей; и эти страданія отразятся неизбежно на вашихъ послѣдующихъ рѣшеніяхъ: душевная тревога затмеваетъ разсудокъ“.

Къ этому вопросу Екатерина Павловна возвращается еще болѣе настойчиво въ письмѣ отъ 5 августа, писанномъ изъ Ярославля, въ то время, когда столицѣ угрожала уже неминуемая опасность.

„Я не могу молчать, пишетъ она брату, я должна высказать то, что я думаю“, и она укоряетъ его за то, что онъ не принялъ во вниманіе заявленій, сдѣланныхъ ему генералами, что, уѣхавъ изъ арміи, онъ оставилъ главнокомандующаго въ полной неувѣстности относительно того, какъ ему слѣдовало дѣйствовать далѣе; она настаиваетъ на томъ, чтобы императоръ принялъ какое-нибудь определенное рѣшеніе, „Ермоловъ, котораго вы уважаете, пишетъ она, говоритъ, что если дѣло пойдетъ такъ далѣе, то онъ не ручается за то, что Москва не будетъ черезъ десять дней въ рукахъ непріятеля“.

„Бога ради не вздумайте принять командованіе арміей, ибо нуженъ немедленно человекъ, къ которому войско чувствовало бы довѣріе, вы же не можете внушить его; при томъ, если вы понесете поражение, то это будетъ непоправимымъ бѣдствіемъ въ виду тѣхъ чувствъ, какія это можетъ возбудить“.

Взятіе Москвы до глубины души потрясло великую княгиню. Подъ живымъ впечатлѣніемъ ошеломляющаго событія, она пишетъ брату всего нѣсколько словъ, но въ этихъ немногихъ словахъ ярко выражается преобладавшая въ ту минуту въ ея душѣ надо всѣмъ боязнь чтобы не былъ заключенъ миръ, и ея страстное желаніе повліять въ этомъ смыслѣ на брата.

„Москва взята. Бываютъ вещи непостижимыя, но не забудьте своего рѣшенія: *мира не должно быть*. У васъ есть еще надежда спасти свою честь. Не забывайте въ горѣ своихъ друзей, которые готовы

летѣть къ вамъ и сочтутъ за счастье быть чѣмъ нибудь вамъ полезными; располагайте ими.

„Дорогой другъ, мира не должно быть! Хотя бы вамъ суждено было очутиться въ Казани—мира не должно быть“.

Три дня спустя, Екатерина Павловна снова берется за перо, чтобы откровенно изложить брату положеніе вещей и сообщить ему о настроеніи общества.

„Несмотря на непріятность, которую я должна причинить вамъ, дорогой другъ, я не въ состояніи больше молчать. Взятіе Москвы раздражило и ожесточило всѣхъ; неудовольство дошло до крайнихъ предѣловъ, и вашу особу не щадятъ. Если это доходитъ даже до меня, то можно судить объ остальномъ. Васъ громко обвиняютъ въ бѣдствіи, постигшемъ государство, въ разореніи всѣхъ и cadaго и, наконецъ, въ томъ, что вы погубили честь страны и свою собственную. И васъ осуждаетъ не одно какое-нибудь сословіе, а рѣшительно всѣ. Не говоря о способѣ веденія нами войны, одно изъ главныхъ обвиненій, предъявляемыхъ вамъ, состоитъ въ томъ, что вы не сдержали слова по отношенію къ Москвѣ, гдѣ васъ ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ, что вы ее покинули, какъ бы предали ее; не бойтесь никакой катастрофы въ революціонномъ духѣ, но судите сами, каково должно быть положеніе дѣлъ въ странѣ, когда презираютъ ея главу; нѣтъ той вещи, которую человекъ не сдѣлалъ бы, чтобы возстановить свою честь, но при всемъ желаніи пожертвовать всѣмъ для родины, невольно говорятъ: къ чему это поведетъ, когда всѣ убиты, когда все разрушено бездѣятельностью командующихъ? Мысль о мирѣ, къ счастью, раздѣляется не всѣми: наоборотъ, ибо чувство стыда, вызваннаго потерей Москвы, порождаетъ желаніе мести. На васъ жалуются во всеуслышаніе; я считаю долгомъ сказать вамъ это, дорогой другъ, такъ какъ это весьма важно. Не мнѣ указывать вамъ, что дѣлать, но спасите свою честь, которая задѣта. Ваше присутствіе можетъ снова расположить умы въ вашу пользу; не пренебрегайте никакимъ средствомъ и не думайте, что я преувеличиваю; къ несчастью все, что я говорю— правда; сердце обливается кровью у той, которая такъ много вамъ обязана и готова цѣною жизни вывести васъ изъ того положенія, въ какомъ вы очутились“.

„Да, отвѣчалъ императоръ, есть вещи дѣйствительно непостижимыя; но будьте увѣрены, что мое рѣшеніе *продолжать войну непоколебимѣе, чѣмъ когда-либо*; я скорѣе перестану быть тѣмъ, что я есть, нежели соглашусь на переговоры съ чудовищемъ, которое составляетъ бѣдствіе всего міра, и возлагаю надежду на Бога,

на изумительныя качества нашего народа и на свое твердое рѣшеніе не возлагать на себя чужеземнаго ига“.

Поспѣшивъ набросать нѣсколько словъ, чтобы успокоить сестру на счетъ главнаго,—на счетъ того, что онъ рѣшилъ упорно продолжать борьбу и не капитулировать передъ врагомъ, Императоръ Александръ былъ однако слишкомъ глубоко задѣтъ высказанными ею обвиненіями, въ которыхъ онъ видѣлъ отчасти происки тайныхъ агентовъ Наполеона, которымъ было предписано вліять на народъ, на общество и на самыхъ близкихъ къ Государю лицъ, въ особенности на великую княгиню Екатерину Павловну, чтобы дискредитировать его въ ихъ глазахъ и, при первой возможности, счелъ долгомъ оправдать свой образъ дѣйствій въ глазахъ сестры и подробно изложить ей мотивы, заставившіе его поступить такъ, а не иначе; весь тонъ этого замѣчательнаго письма, въ которомъ Императоръ не оставляетъ безъ отвѣта и объясненія ни одного обвиненія или намека, сдѣланнаго великой княгиней, показываетъ, что онъ не только горячо любилъ сестру, но высоко цѣнилъ ее и дорожилъ ея мнѣніемъ; она въ свою очередь понимала его и была для него самымъ преданнымъ другомъ.

В. Тимощукъ.

18 сентября 1812 г.

„Я долженъ отвѣтить вамъ, другъ мой, подробно и обстоятельно что я и дѣлаю и скажу слѣдующее:

Что люди бываютъ несправедливы къ человѣку, когда его постигнетъ несчастье, что его повосятъ, осыпаютъ упреками, это вещь обыкновенная. Я никогда не заблуждался на этотъ счетъ; я былъ увѣренъ, что это случится со мною, какъ только судьба перестанетъ благопріятствовать мнѣ. Можетъ быть мнѣ суждено даже потерять друзей, на которыхъ я всего больше рассчитывалъ. Все это, къ несчастью, въ порядкѣ вещей въ этомъ мірѣ.

Хотя мнѣ и противно докучать кому бы то ни было этими подробностями, лично меня касающимися, и хотя это несравненно тягостнѣе съ тѣхъ поръ, какъ меня постигло несчастье, однако моя искренняя привязанность къ вамъ заставляеть меня превозмочь это чувство, и я изложу вамъ все такъ, какъ это мнѣ представляется.

Когда человѣкъ поступаетъ по своему искреннему убѣжденію, можно ли требовать отъ него большаго? Этимъ убѣжденіемъ я только и руководствовался. Оно побудило меня назначить главнокомандующимъ 1-ой арміи Барклая, въ виду славы, имъ пріобрѣ-

тенной во время войнъ съ французами и шведами. Глубокое убѣжденіе заставило меня думать, что по познаніямъ онъ стоитъ выше Багратіона. Когда же крупныя ошибки, сдѣланныя послѣднимъ въ эту кампанію, бывшія отчасти причиною нашихъ пораженій, поддержали во мнѣ это убѣжденіе, я больше чѣмъ когда-либо считалъ Багратіона неспособнымъ командовать соединенными арміями подѣ Смоленскомъ.

Хотя я не былъ особенно доволенъ дѣйствіями Барклая, однако я считалъ его лучшимъ стратегомъ по сравненію съ тѣмъ, кто въ стратегіи ничего не понимаетъ. Наконецъ, въ силу этого убѣжденія, я не могъ назначить на это мѣсто никого иного.

Совершенно невѣрно, будто мой адъютантъ, Кутузовъ, передалъ мнѣ, какъ вамъ говорили, энергичныя представленія отъ имени генераловъ арміи. Онъ пріѣхалъ просто-на-просто дать мнѣ отчетъ въ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ окрестностяхъ Витебска. На вопросъ, предложенный мною самимъ, онъ сказалъ, что въ арміи считаютъ и Барклая и Багратіона одинаково неспособными командовать такими большими массами и хотятъ видѣть во главѣ войска Петра Палена. Не говоря уже о *вѣроломствѣ* и *безнравственности* этого человѣка и его *преступленіи*, вспомните, что онъ лѣтъ 18—20 не видѣлъ непріятеля и что послѣдній разъ, когда онъ участвовалъ въ бою, онъ былъ всего на всего бригаднымъ генераломъ. Какія же надежды могъ я возлагать на этого человѣка и гдѣ доказательства его военныхъ дарованій?

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я увидѣлъ, что рѣшительно всѣ были за назначеніе главнокомандующимъ старика Кутузова: это было общимъ желаніемъ. Зная этого человѣка, я былъ вначалѣ противъ этого, но когда Ростопчинъ, письмомъ отъ 5 августа, сообщилъ мнѣ, что вся Москва хочетъ, чтобы арміей командовалъ Кутузовъ, находя, что Барклай и Багратіонъ оба на это неспособны, Барклай же тѣмъ временемъ, какъ нарочно, дѣлалъ подѣ Смоленскомъ глупость за глупостью, то мнѣ оставалось только уступить единадушному желанію, и я назначилъ Кутузова.

Я и теперь думаю, что при данныхъ обстоятельствахъ я не могъ поступить иначе; изъ трехъ генераловъ, равно неспособныхъ къ роли главнокомандующаго, я долженъ былъ остановить выборъ на томъ, кого намѣтилъ голосъ народа.

Перехожу теперь къ тому, что касается меня ближе: къ вопросу о моей личной чести. Признаюсь, дорогой другъ мой, мнѣ еще тяжело касаться этого, и я полагалъ, что моя честь, въ вашихъ по крайней мѣрѣ глазахъ, не запятнана. Я не могу даже повѣрить, что вы говорили въ своемъ письмѣ о той личной храбрости, которую можетъ проявить всякій рядовой солдатъ и которой я не

придаю никакого значенія. Впрочемъ, коль скоро мнѣ уже придется, къ стыду своему, коснуться этого вопроса, я скажу что гренадеры Малороссійскаго и Кіевскаго полковъ могутъ удостоверить, что я умѣю держать себя въ огнѣ такъ же спокойно, какъ всякій иной. Повторяю, я не могу повѣрить, чтобы вы говорили въ своемъ письмѣ объ этой храбрости; я думаю, вы имѣли въ виду нравственное мужество: единственно, чему можетъ придавать значеніе человѣкъ съ высшимъ призваніемъ. Если бы я остался въ арміи, быть можетъ мнѣ удалось бы убѣдить васъ въ томъ, что я не лишенъ этого мужества. Но я не могу понять одного: какимъ образомъ вы, выразивъ въ своихъ письмахъ въ Вильно къ Георгу желаніе, чтобы я уѣхалъ изъ арміи, и написавъ мнѣ въ письмѣ отъ 5 августа, переданномъ мнѣ Вельяшевымъ: „Бога ради не вздумайте принять командованіе арміей, ибо нуженъ немедленно человѣкъ, къ которому войско чувствовало бы довѣріе, вы же не можете внушить его; при томъ, если вы понесете пораженіе, то это будетъ непоправимымъ бѣдствіемъ въ виду тѣхъ чувствъ, какія это можетъ возбудить“; установивъ такимъ образомъ, какъ дѣло рѣшенное, что я не могу *внушить никакого довѣрія*,—повторяю, я не могу понять, что вы хотите сказать въ своемъ послѣднемъ письмѣ словами: „*Спасите свою честь, которая задѣта. Ваше присутствіе можетъ снова расположить умы въ вашу пользу*“. О чемъ вы говорите, о моемъ присутствіи въ арміи? какъ примирить эти два столь противорѣчивыя мнѣнія?

Принеся свое личное самолюбіе въ жертву общему благу и уѣхавъ изъ арміи—слѣдствіе толковъ о томъ, что я приносилъ ей вредъ своимъ присутствіемъ, что я избавлялъ генераловъ отъ всякой отвѣтственности, что я не внушалъ войскамъ никакого довѣрія, наконецъ, что пораженія, которыя приписывались мнѣ, могли быть прискорбнѣе тѣхъ, которыя приписывались моимъ генераламъ, посудите сами, другъ мой, какъ мнѣ должно быть тяжело слышать, что моя честь подвергается нападкамъ, тогда какъ, уѣхавъ изъ арміи, я сдѣлалъ только то, что отъ меня хотѣли, тогда какъ я самъ ничего такъ не желалъ, какъ остаться въ арміи и, до назначенія Кутузова, твердо рѣшилъ вернуться къ ней. Отказался же я отъ этой мысли лишь послѣ его назначенія, отчасти памятуя о томъ, что этотъ столь льстивый человѣкъ надѣлалъ въ Аустерлицѣ, отчасти слѣдуя вашимъ собственнымъ совѣтамъ и совѣтамъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, раздѣлявшихъ ваше мнѣніе.

Если вы спросите, почему я не поѣхалъ въ Москву, я отвѣчу, что я никогда не бралъ на себя никакихъ обязательствъ и не обѣщавъ пріѣхать туда. Ростопчинъ, въ своихъ письмахъ, очень про-

силъ меня объ этомъ, но это было еще до отступленія отъ Смоленска, слѣдовательно, въ то время, когда, уѣхавъ въ Финляндію, я никакъ не могъ этого сдѣлать; за то въ письмѣ отъ 14 августа, онъ пишетъ, „Теперь, Государь, перехожу къ самому главному, т. е. къ вашему пріѣзду сюда. Не подлежитъ сомнѣнію, что ваше присутствіе здѣсь вызоветъ еще большій энтузіазмъ, но если событія, до вашего пріѣзда, сложатся неблагопріятно для насъ, то ваше присутствіе можетъ еще болѣе усилить тревогу, и такъ какъ вамъ не подобаетъ рисковать, подвергая себя опасности, то было бы лучше повременить отъѣздомъ изъ Петербурга до полученія какихъ-либо извѣстій о томъ, что положеніе вещей измѣнилось къ лучшему“.

Посмотримъ теперь, могъ ли я пріѣхать въ Москву? Коль скоро было установлено принципиально, что мое присутствіе въ арміи приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы, пристало ли мнѣ быть въ Москвѣ въ то время, когда армія, отходя отъ Смоленска, приближалась къ Москвѣ? Хотя я никогда не могъ себѣ представить, чтобы Москва могла быть оставлена столь постыднымъ образомъ, однако я представлялъ себѣ, что вообще это могло случиться послѣ одного или двухъ проигранныхъ сраженій. Какую роль пришлось бы мнѣ играть тамъ; и неужели я бы пріѣхалъ въ Москву для того, чтобы ретироваться оттуда со всѣми вмѣстѣ?

Сооставивъ даты, посмотримъ, могъ ли я пріѣхать туда своевременно? Тотчасъ по возвращеніи Бентинка ¹⁾, я уѣхалъ въ Финляндію, чтобы быть тамъ къ назначенному имъ сроку. Я пробылъ съ королевскимъ принцемъ въ Або всего 3 дня: согласитесь, что это не долго. Въ ночь съ 21 на 22 я возвратился въ Петербургъ. Допустивъ, что я уѣхалъ бы на слѣдующій день, я пріѣхалъ бы въ Москву только въ день битвы, 26 числа; слѣдовательно, я не могъ бы даже помѣшать пагубному отступленію въ ночь послѣ битвы, которое все погубило. Судите сами, каково было бы въ такомъ случаѣ мое положеніе въ Москвѣ! Какъ только я очутился бы такъ близко, вся отвѣтственность за послѣдующія событія пала бы, съ той минуты, совершенно основательно, на одного меня; между тѣмъ могъ ли бы я предотвратить случившееся, коль скоро не постарались воспользоваться побѣдой и упустили благопріятный моментъ? Значитъ, я пріѣхалъ бы только для того, чтобы взвалить на себя позоръ, въ которомъ виноваты другіе.

За то я хотѣлъ воспользоваться первымъ моментомъ, когда наша армія одержитъ какое-нибудь существенное превосходство надъ

¹⁾ Англійскій адмиралъ.

непріятелемъ и заставитьъ его отступить, чтобы пріѣхать въ Москву. Я бы выѣхалъ даже тотчасъ по полученіи извѣстія о сраженіи 26 числа, если бы Кутузовъ, въ томъ же донесеніи, не общалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ отступить за 6 верстъ, чтобы собраться съ силами. Эти роковыя 6 верстъ, отравивъ все удовольствіе, доставленное мнѣ побѣдою, заставили меня обождать слѣдующаго донесенія; оно же ясно предвѣщаетъ мнѣ одни бѣдствія.

Вотъ точное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, дорогой другъ мой. Присовокуплю къ этому нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя вѣроятно поразятъ васъ.

Весной, передъ моимъ отъѣздомъ въ Вильно, я узналъ изъ надежнаго источника, что всѣ усилія тайныхъ агентовъ Наполеона предполагалось направить на то, чтобы дискредитировать насколько возможно правительство и противопоставить его народу; для этого было рѣшено, если я буду находиться при арміи, приписать мнѣ всѣ неудачи, какія могли бы произойти, и изобразить меня въ такомъ духѣ, какъ будто я пожертвовалъ безопасностью Имперіи ради своего личнаго честолюбія, помѣшавъ генераламъ, болѣе опытнымъ, нежели я, одержать побѣду надъ непріятелемъ; съ другой стороны, если бы меня не было въ арміи, было рѣшено приписать это недостатку мужества съ моей стороны. Но это не все; судя по тѣмъ же свѣдѣніямъ, адскій планъ клонился даже къ тому, чтобы поселить раздоръ въ нашей семьѣ.

Вы будете, вѣроятно, удивлены, если я скажу вамъ, что, дней за 8 или за 10 до моего отъѣзда, меня предупредили, что эти происки должны были начаться съ васъ, что было рѣшено сдѣлать все возможное, чтобы изобразить меня въ вашихъ глазахъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Такъ какъ, зная ваше расположеніе ко мнѣ, я всегда былъ съ вами вполне откровененъ и чистосердеченъ, то это меня ничуть не встревожило, и я очень мало объ этомъ беспокоился. Хотѣли повліять и на меня, возбудивъ во мнѣ тревогу на вашъ счетъ, но очень скоро убѣдились, что это будетъ напрасная трата времени. Для осуществленія этихъ адскихъ козней рассчитывали на то, что лица, вовсе не причастныя къ нимъ, будучи напуганы слухами, которые такъ или иначе дошли бы до ихъ свѣдѣнія, невольно, сами того не замѣчая, изъ одного усердія, стали бы повторять эти слухи, пущенные первоначально агентами Наполеона, которые дошли бы, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, до насъ, въ то время, какъ истинные виновники происковъ остались бы неизвѣстны. Всѣ эти козни предполагалось пустить въ ходъ главнымъ образомъ въ то время, когда одна изъ столицъ очутилась бы въ рукахъ непріятеля.

Здѣсь, въ Петербургѣ, я имѣю ежедневно случай все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, насколько предостереженія, сдѣланныя мнѣ весною, были точны; все, что вы пишете въ своемъ послѣднемъ письмѣ, подтверждаетъ это. Между тѣмъ, я самъ понимаю, что при переживаемыхъ нами злополучныхъ обстоятельствахъ, эти козни могутъ удасться какъ нельзя легче, и люди, распускающіе подобныя слухи, должны, естественно, найти много прозелитовъ.

Что касается меня, дорогой другъ, то я могу поручиться за одно, что я всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями, всемѣрно забочусь о томъ, что клонится къ благу и къ пользѣ моей родины, какъ я ихъ понимаю.

Что касается таланта, быть можетъ его у меня нѣтъ, но вѣдь приобрѣсти его нельзя: это даръ свыше, никто еще самъ не приобрѣталъ его. Всякій, мало-мальски справедливый человѣкъ долженъ признать, что, имѣя такихъ плохихъ помощниковъ и не имѣя во всѣхъ отрасляхъ управленія хорошихъ сотрудниковъ, управляя такимъ сложнымъ механизмомъ, въ то время какъ мы переживаемъ столь ужасный кризисъ и имѣемъ дѣло съ такимъ адскимъ противникомъ, сочетающимъ ужасное злодѣйство съ самыми выдающимися дарованіями, которому помогаютъ вооруженныя силы *всей Европы* и множество талантливыхъ людей, выработавшихся въ теченіе 20 лѣтъ постоянныхъ войнъ и революцій, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если я испытываю неудачи. Припомните, что, во время нашихъ бесѣдъ втроемъ, мы предвидѣли это; мы допускали даже возможность потерять обѣ столицы и полагали, что только *одной настойчивостью* можно преодолѣть бѣдствія этого тяжелаго времени. Несмотря на всѣ неудачи, какія мнѣ приходится испытывать, я не падаю духомъ, я рѣшилъ болѣе чѣмъ когда-либо упорно продолжать борьбу и къ достиженію этой цѣли направлены всѣ мои усилія.

Скажу откровенно: не быть признаннымъ обществомъ или множествомъ людей, которые вовсе меня не знаютъ, или знаютъ недостаточно, не такъ тяжело, какъ быть непонятымъ небольшимъ числомъ людей, которыхъ я люблю, и которыми я надѣялся быть понятымъ. Но если бы это новое горе присоединилось ко всѣмъ тѣмъ огорченіямъ, какія мнѣ приходится испытывать, то клянусь Богомъ, я не сталъ бы обвинять ихъ и видѣлъ бы въ этомъ только обычную участь всѣхъ несчастныхъ,—участь быть всѣми покинутымъ.

Простите мнѣ, дорогой другъ, что я такъ долго злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, написавъ такое длинное письмо и промедливъ такъ долго съ отвѣтомъ, такъ какъ я могу урвать отъ моихъ ежедневныхъ занятій лишь немного времени.

Теперь я долженъ подѣлиться съ вами второстепенными подробностями. Мнѣ не удалось выхлопотать у матушки Екатерининскую ленту для Волконской: она сама писала вамъ о томъ, и я видѣлъ, что она очень горячилась по поводу этого предложенія.

Что касается Гагарина ¹⁾, то я не имѣю никакой возможности подвинуть его, ибо иначе онъ опередилъ бы Салтыковыхъ и многихъ другихъ сенаторовъ, которые всѣ старше его. Вообще, мнѣ кажется, что въ настоящій моментъ, когда совершаются событія первостепенной важности, слѣдуетъ нѣсколько повременить съ наградами и давать ихъ только тѣмъ, кто проливаетъ кровь за отечество.

Что касается обоихъ врачей, то они получили повышение ²⁾. Извиняюсь, другъ мой, что я не спросилъ васъ, въ какой полкъ вы бы желали записать своего малютку, по примѣру старшаго.

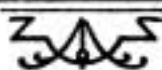
Привыкнувъ писать вамъ обоимъ одновременно, я скажу вамъ, любезный Георгъ, что въ данный моментъ вы несравненно полезнѣе мнѣ, стоя во главѣ ввѣренныхъ вамъ трехъ губерній и завѣдуя путями сообщеній, нежели находясь въ главной квартирѣ.

Въ то время, когда врагъ употребляетъ всѣ возможныя усилія, чтобы дезорганизовать все внутри Имперіи, слѣдуетъ всѣми средствами мѣшать этому и поддерживать порядокъ. Никогда еще занимаемое вами мѣсто генераль-губернатора этихъ трехъ губерній не имѣло столь важнаго значенія. Единственныя, остающіяся еще въ нашихъ рукахъ сообщенія съ остальными частями Имперіи идутъ теперь черезъ Ярославль; часть Москвы находится въ Ярославлѣ; прибавьте къ этому еще бездну другихъ соображеній. Поддержавъ порядокъ и спокойствіе въ своихъ трехъ губерніяхъ, вы безъ сомнѣнія окажете этимъ мнѣ и государству величайшую услугу.

Кончая, призываю васъ обоихъ быть твердыми и настойчивыми. Вы сами такъ часто совѣтовали мнѣ это. Теперь пора проявить эти качества; будьте увѣрены, что для борьбы съ внутренними смутами ихъ нужно несравненно больше, нежели для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Вашъ душою и сердцемъ навсегда Александръ“.

„Прилагаю обычныя бездѣлки для малютки“.

В. Тимошукъ.

¹⁾ Князь Гагаринъ, Иванъ Алексѣевичъ, р. 1771†1832 г., дѣйствительный камергеръ, съ 1810 г. управлялъ дворомъ великой княгини Екатерины Павловны, позднѣе московскій сенаторъ, мужъ знаменитой актрисы Семеновой.

²⁾ При великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ состояло два доктора: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бахъ и Иванъ Ивановичъ Гарри (хирургъ).